

УДК 811.161.1'373.237'16

Аникина И. В.

НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ ЖИВОТНОВОДСТВОМ, В СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ЛЕКСИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА XVI–XVII ВВ.

В статье представлен лексико-семантический анализ наименований лиц, занимающихся животноводством, в сельскохозяйственной лексике русского языка XVI–XVII вв. Выявлены инновации в составе сельскохозяйственной лексики русского языка исследуемого периода.

Ключевые слова: наименования лиц, занимающихся животноводством, вторичная номинация, инновация, словообразовательная модель.

Анікіна І. В. Назви осіб, які займаються скотарством, у сільськогосподарській лексиці російської мови XVI–XVII ст. – Стаття.

У статті здійснено лексико-семантичний аналіз назв осіб, які займаються скотарством, у сільськогосподарській лексиці російської мови XVI–XVII ст. Виявлено інновації в складі сільськогосподарської лексики російської мови досліджуваного періоду.

Ключові слова: назви осіб, які займаються скотарством, вторинна номінація, інновація, словотворча модель.

Anikina I. V. The names of those engaged in animal husbandry in agricultural vocabulary of Russian XVI–XVII century. – Article.

The article lexical-semantic analysis of the names of persons who are engaged in agricultural livestock vocabulary of Russian XVI–XVII century. Identified Innovation as a part of the vocabulary of Russian agricultural research period.

Key words: names of persons who are engaged in cattle; secondary nomination, innovation, word-formation models.

Семантические особенности вторичных номинаций лица, а также их высокая деривационная активность, сложность формально-семантической структуры, широкий набор деривационных средств и способов образования обусловили пристальное внимание лингвистов к этому лексическому материалу. Современный уровень развития теории языковой номинации, деривационной ономазиологии, изучающей номинацию в сфере производных слов, активизация ономазиологических исследований, предметом которых являются «номинативные знаки во всем их разнообразии, во всей их неоднородности, во всей их совокупности и, главное, на всех этапах их формирования и принятия обществом» [8, с. 93], стимулировали исследования в области исторического словообразования.

В последние десятилетия получил распространение ономазиологический подход к исследованию словообразования, в рамках которого проведен анализ имен существительных со значением лица [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 11; 12; 13]. Агентивные наименования сельскохозяйственной сферы, наименования сельскохозяйственных специальностей в русском языке XVI–XVII вв. не были объектом специальных исследований ни в историко-лексикологическом, ни в деривационно-ономазиологическом аспектах, хотя фрагментарно привлекались к анализу в работах по историческому словообразованию при описании истории отдельных слов, объединенных по семантико-словообразовательному критерию [3; 5; 6; 7]. В лингвистической литературе не получил достаточного освещения и требует дальнейших исследований динамический аспект агентивных наименований в русской сельскохозяйственной лексике. Так, Л.А. Шкатова, определяя границы лексико-семантической группы названий ремесленников, отмечает: «Не включены в лексико-семантическую группу ремесленников названия сельскохозяйственных профессий типа *вельблудник* – «погонщик», *воловик* – «кто ухаживает за скотом», *говядарь* – «пастух» и т. п.» [13, с. 54]. Всем вышесказанным определяется актуальность темы и выбор объекта исследования.

Цель исследования – изложить результаты лексико-семантического анализа наименований лиц, зани-

мающихся животноводством, в сельскохозяйственной лексике русского языка XVI–XVII вв.

Объектом анализа являются наименования лиц, получившие первую письменную фиксацию в XVI–XVII вв.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: определить состав лексико-семантической группы наименований лиц, занимающихся животноводством, в сельскохозяйственной лексике русского языка XVI–XVII вв.; выделить инновации исследуемого периода в составе анализируемой лексико-семантической группы.

Наименования лиц (далее – НЛ), занимающихся животноводством, составляют одну из самых репрезентативных групп агентивной сельскохозяйственной лексики исследуемого периода. По грамматическим и лексико-семантическим характеристикам производящих основ аффиксальные НЛ сферы животноводства, в свою очередь, делятся на: а) отсубстантивные НЛ, формально семантически связанные с названиями домашних животных и птиц. Они образуются посредством суффиксов **-никъ**, **-арь**, **-ухъ**, **-щикъ**. Суффикс **-никъ** взаимодействует с основами существительных – общими и видовыми названиями домашних животных и птиц морфологического мужского и женского рода: *скоть* – *скотникъ*, *птица* – *птичникъ*, *овца* – *овечникъ* и др.; б) девербативы, производные от глаголов, лексическое значение которых включает семантический признак объекта – «животное»; в) НЛ, производные от многозначных глаголов, лексическое значение которых не содержит семантический признак объекта – «животное», реализуется в синтагмах с объектными распространителями широкого семантического диапазона объектов.

Скотникъ. Старославянское НЛ *скотникъ* «работник, ухаживающий за скотом» образовано с помощью суффикса **-никъ** от основы существительного *скот* праславянского происхождения (др.-герм. *skatts*; совр. нем. *schatz*; ст.-сл. и др.-рус. *скоть*) [20, с. 3, 388; 16, с. 2, 310; 22, с. 381], т. е. по словообразовательной модели: «основа существительного + суффикс **-никъ**».

Термин *скотникъ* начинает использоваться в русском языке с XIII в. со значением «тот, кто смотрит за

скотом», что отражено в «Материалах» И.И. Срезневского: *Отъ великаго князя отъ Ондreja къ посадникомъ, и къ скотникомъ, и къ старостамъ* (Крм. Двин. 1294 г.) [20, с. 3, 88]; в памятниках русской письменности, например: *Кто по волости ходит закупень, или скотникъ* (Пск. суд. гр. 3, XVI–XV вв.) [26].

Параллельно с термином *скотникъ* в русском языке XIV в. использовался термин *скотарь* с тем же значением «скотник». Термин *скотарь* отмечен в «Материалах» И.И. Срезневского: *Аще не подобно прележаніе творить скотарь, рекше во время на поля, и зобъ дая, и стно кладни, постилая и потребляя чисто да поклонится зо* (Феод. Студ. Ост. 201) [20, с. 3, 385]. В последующие периоды термин *скотарь* не употребляется. В русском языке XIV в. употреблялась лексема *скотопищникъ* (*скотопитатель*) со значением «скотовод»: *Мужи пастиси скотопищници* (Быт. 32. по Сп. XIV в.) [20, с. 3, 387]. В дальнейшем эта лексема не использовалась в языке.

Начиная с XVIII в. и до настоящего времени, термин *скотникъ* употребляется в русском языке с расширенной семантикой. Так, в Толковом словаре В.И. Даля он фиксируется с несколькими значениями: «тот, кому поручен уход за домашним скотом; скотнице поручается и дойка, и молочные скопы», «скотопромышленник» /пск./, *скотница* – «казна, каздохранилище» /стар./, «помужник, земский большак из бояр, выше старосты, ниже тысяцкого» (Стар. нвг.) [14, с. 4, 207].

В словарях современного русского языка слово *скотник* приводится с такой семантикой: «работник, ухаживающий за скотом», «помещение для скота» /разг./, «скотный двор» [15, с. 767; 18, с. 4, 119].

Поросятникъ. Лицо, занимающееся выращиванием и продажей поросят, в русском языке XVII в. имело наименование *поросятникъ*. Образование возникло с помощью суффикса *-никъ* от основы существительного поросята, т. е. по словообразовательной модели: «основа существительного + суффикс *-никъ*».

И.И. Срезневский в «Материалах» лексему *поросятникъ* не отмечает. Термин впервые начинает использоваться в русском языке XVII в. Приведем пример из памятника письменности изучаемого времени: *Сенка поросятникъ у него сынъ Васка* (Яросл. п. кн., 335, XVII в.) [28].

Начиная с XIX в. и до настоящего времени, термин *поросятник* употребляется в русском языке с расширенной семантикой. Так, в Толковом словаре В.И. Даля выделяются три значения: «любитель поросят», «поросятчий хлев», «большой складной нож». С последним значением термин *поросятник* употребляется в Псковской и Тверской областях. В современных словарях слово *поросятник* отмечено со значением: «помещение, хлев для поросят», например: *Следующим отделением свиначи был поросятник* [18, с. 3, 304].

Воловникъ. Работник, ухаживающий за скотом, в русском языке XVII в. имел наименование *воловникъ*, образование возникло с помощью суффикса *-никъ* от основы существительного *волъ*. (*bos, poux...*) [20, с. 1, 296], т. е. по словообразовательной модели: «основа существительного + суффикс *-никъ*».

Впервые лексема *воловникъ* начала употребляться в русском языке со значением «работник, ухаживающий за скотом», что отмечено в Словаре русского языка XI–XVII вв.: *Дворъ посацкова челоуѣка Терентья Максимова сына воловника* (Яросл. П. кн., 186, 1646 г.) [19, с. 2, 317]. Данная лексема, начиная с XVII в., несколько изменила семантику «погонщик волов, возчик

на волах, чумаки», что зафиксировано В.И. Далем в Толковом словаре [14, с. 1, 238]. В Словаре русских народных говоров также фиксируется термин *воловник* с несколькими значениями: 1) «человек, работающий на волах, а также ухаживающий за ними» (Рост. 1948–1950); 2) «о сильном, крепком человеке» (Смол., Пск. 1902–1904 г.) [17, с. 5, 45].

Вельблюдникъ. Лексема *вельблюдникъ* фиксируется в древнерусской письменности с XII в. Употреблялась она в значении «владелец, погонщик верблюдов» [19, с. 13, 84, 109]: *По лѣ(т) же ~диномъ вельблюдникъ онъ иже бѣ оукралъ осла. Идоше пакы в и~р(с)ямъ пшенице продавать* (Пр. 1383 г.). НЛ *вельблюдникъ* образовано по словообразовательной модели «основа существительного + суффикс *-никъ*» от основы существительного *вельблудъ* – заимствования из гот. яз. (Гот. *ulbandus* в др.-рус. в результате расщепления *d* на месте первого из них появился звук *p*) [20, с. 1, 281; 22, с. 53]. Со значением «погонщик верблюдов» впервые лексема *вельблюдникъ* зафиксирована в «Материалах» И.И. Срезневского: *Вельблюдникъ именемъ Сергімъ имы вельблуды пасомы въ ближней горѣ* (Жит. Фед. Сик. Мин. Чет. апр. 519) [20, с. 1, 281].

В Толковом словаре В.И. Даля *верблюдникъ* отмечен с несколько изменившейся семантикой: «погонщик, вожак при верблюдах» [14, с. 1, 179].

В современных толковых словарях русского языка НЛ *верблюдник* не фиксируется.

Коровникъ (коровница). Среди новообразований с суффиксом *-никъ*, фиксируемых памятниками XVI в., выделяются косвенные номинации. Например, в исследуемую эпоху именовался скотник (скотница), работник, ухаживающий за скотом. Общеславянское образование *коровникъ* возникло с помощью суффикса *-никъ* от основы существительного праславянского по корню происхождения. Звуковое формирование – восточнославянское с характерным для него полногласным сочетанием *-оро-*, развившимся из праславянского *-ог* (Ср. ст.-сл. *крава*, польск. *ktow* «корова») [21, с. 2, 331; 22, с. 191], т. е. по словообразовательной модели: «основа существительного + суффикс *-никъ*».

В «Материалах» И.И. Срезневского данный термин отсутствует, впервые упоминается в русской письменности в XVI в. В качестве иллюстраций приведем примеры: *Дано коровнику 2 денги, что онъ снялъ съ лошади кожу* (Кн. расх. Болд. м. (РИБ, II, 298, 1586 г.)); *На Каргачъ коровницъ на сапоги алтынъ* (Кн. расх. Обн. м., 12, 1570 г.) [20, с. 2, 106].

С XVII в. и до настоящего времени данная лексема расширяет свою семантику и используется в русском языке со значениями: «1. хлев для скота, 2. скотник, ухаживающий за скотом, за коровами, 3. коровенный двор», что отмечено в Словаре русского языка XI–XVII вв.: *А хоромъ намъ досталосъ на два жеребѣ двѣ горницы старыя... да поварня старая ж подле мылны и с коровникомъ да погребъ среди двора* (Строг. столб., 1578); *Въ 16 день принесъ старецъ Нифинтъ рубль шестнатцать алтынъ четыре денги, что продалъ въ Задолжѣя коровнику Ортошкѣ крестьянскую кобылу* (АЮБ, II, 280, 1607 г.); *Вино поставлено въ коровницъ* (АЮ, 1615) [19, с. 2, 106]. В этот период употреблялись синонимичные однословному НЛ *коровникъ* составные наименования с опорными словами *пастухъ* и *человекъ*: *коровий пастухъ* и *коровленный человекъ* со значением «имеющий корову, коровник», что отражено в памятниках русской письменности, например: *Коровьго пастуху* Фомки *Прокопѣву въ лѣтной посеб-*

ной наемъ... дано полосины ячменю (Кн. прих.-расх. Бир. с.; Арх. Он., 1692 г.); *Въ дву монастырехъ да въ сель 57 келей, а въ нихъ живутъ сарицы черноризницы, да 12 дв<оров> коровленыхъ дворовыхъ людей, да въ сель же и въ деревняхъ 5 дв<оров> монастырскихъ* (Кн. п. Моск., I, 82, XVI в.). [19, с. 2, 106]. В Толковом словаре В.И. Даля лексема **коровникъ** фиксируется со значениями: «дядель, дягильник», *verbascut* «вербник, царская свеча», «хлев для коров, закута», «прислужник за коровами, за скотом» [14, с. 2, 167], в Словаре русских народных говоров – со значениями: «1. пастух, пасущий коров» (Ворон., 1958, Курск., Ряз., Смил., Новг.); 2. «тот, кто ухаживает за коровами» (Твер., Моск.); 3. «скупщик скота в дореволюционной России» (Арх. 1878, 1907) [17, с. 14, 353].

В словарях современного русского языка слово **коровник(ца)** также отмечается с лексическими значениями: «м. р. помещение, хлев для коров и быков»; **коровница** – с пометой «устаревшее» «женщина, ухаживающая за коровами, скотница»: *Филишка явилась в обитель, как к себе домой, сама выбрала себе место в скотной избе, где жили коровницы* [15, с. 299; 19, с. 2, 106].

Овчарь, овчухъ. Так в исследуемую эпоху именовался тот, кто разводил овец, ухаживавший за ними; пастух овец. Древнеславянское образование **овчарь** возникло с помощью суффикса **-арь** от основы существительного *овца* праславянского по происхождению / Ср.: др.-рус. овьца, праслав. *ovbca*, др.-инд. *aviká*, лтш. *avs*, лат. *ovis* «овца» [16, с. 2, 636; 22, с. 270], т. е. по словообразовательной модели: «основа существительного + суффикс **-арь**». Термин **овчухъ** начинает использоваться в русском языке с XI в. со значением «овчар, пастух овец», что отражено в памятниках письменности, например: *И приступи торчинъ, именемъ Беринди, овчухъ Стополчъ, держа ножъ и хатя ударити в око* (Лавр. л., 261, 1097 г.); в «Материалах» И.И. Срезневского: *Овчиха своеа помози сподоби'е* (Псал. толк. Федрт. пс. XXXIII. 7 толк.) [20, с. 2, 598].

С XVII в. данная лексема расширяет свою семантику и используется в русском языке со значением «тот, кто разводит овец, ухаживает за ними; пастух овец; овчарня». Приведем некоторые контексты в качестве иллюстраций: *У скотника Федора Мураховца челядника Демка овчари два вола двѣсти овецъ* (Баг. Мат., 88, 1680 г.) [19, с. 12, 229]; *Да на дворъ хоромъ изба жила да клет<ь> с прихлѣтомъ пластинное до мишеничника, да клет<ь> липоволь с овчихомъ* (Отказн. кн. южновеликорус., 182, 1636 г.) [19, с. 12, 230].

Начиная с XVIII века и до настоящего времени, термин **овчар** употребляется в русском языке со следующей семантикой. Так, в Толковом словаре В.И. Даля он фиксируется со значением «овцевод, занимающийся ими при хозяине; овчий пастух (с пометой стар.)»; также В.И. Даль отмечает термин **овчухъ**, употребляющийся в Воронежской области со значением «клещ, вливающийся в овец» [14, с. 2, 641]. В современных словарях русского языка слово **овчар** также отмечается с лексическим значением: «работник, ухаживающий за овцами» [15, с. 457; 18, с. 2, 583].

В XVII в. параллельно с термином **овчарь** использовался в русском языке термин **овечникъ (овешникъ)** с тем же значением «тот, кто ухаживает за овцами», например: *Дано коровнику и коровницъ по самогамъ по пришивамъ... дано овешнику рукавицы верхницы надолонки ветхие* (А. Уст., II, 273, 1668 н.) [19, с. 12, 222].

Говядарь (Говедарь). Неологизм XVI в. **говядарь** образован с помощью суффикса **-арь** от основы мно-

гозначного существительного *говядо* («бык», «рогатый скот»; «стадо быков») [16, с. 1, 136; 20, с. 1, 530]. В «Материалах» И.И. Срезневского выделяется одно значение НЛ: **говедарь** – «пастух, пасущий крупный рогатый скот»: *Пастырь и говедарь сгождою свѣртли*. (Гр. Над. съ толк. Ник. Ир. XVII в.) [20, с. 1, 530].

В текстах XVI–XVII вв. употребляется в двух значениях: «1. пастух, пасущий крупный рогатый скот; 2. торговец скотом»: *И. Ромъ и Ромель житие имѣста с пастырни и говедари* (Хроногр. 1512 г., 226); *Воздвизаетъ бѣ нѣкоего отъ християнскаго народа мужа, рода не славна, но смысломъ мудра, его же прозваніе нарицаху Козма Мининъ, художествомъ быше прежде говядарь* (Ин. Сказ., 127, XVII в.) [25].

В дальнейшем на протяжении развития русского языка в семантической структуре производного НЛ **говядарь** сохраняются оба значения. Так, словарь В.И. Даля фиксирует значения «гуртовщик, погонщик, нагульщик скота и скотопромышленник» [14, с. 1, 364]. В современном языке лексема не сохранилась и в диалектной лексике не отмечена.

В лексической системе русского языка исследуемого периода НЛ **говядарь (говедарь)** в первом значении «пастух крупного рогатого скота» синонимично древнерусскому **волухъ** – «погонщик, пастух крупного рогатого скота» [19, с. 3, 13]. Например: *Двалмы же и волцеи*. (Сильв. Ант. вопр. оп. II (2), 147, 1512 г.).

Ослярь – «погонщик ослов» [19, с. 13, 111] – образовано с помощью суффикса **-яръ** от основы существительного *осѣль*, старославянского происхождения [21, с. 3, 206; 22, с. 279], т. е. по словообразовательной модели: «основа существительного + суффикс **-яръ**». И.И. Срезневский в «Материалах» лексему **ослярь** не отмечает.

Термин впервые начинает использоваться в русском языке XVII в., например: *Ослопасъ, ослярь* (Влх. словарь, 149, XVII в.) [19, с. 13, 111].

В XVII в. параллельно с термином **ослярь** употребляются варианты НЛ **ослопасъ** и **осельникъ** с таким же лексическим значением «погонщик ослов» [19, с. 13, 84, 109]: *И въставъ въ тѣ час и срѣте осельники идее с ними, домде же страны Сурьские* (Ж. Ал. чел. бож., 477, XIV–XVII вв.).

В Толковом словаре В.И. Даля отмечена лексема **ослопасъ** со значением «погощик, либо пастух ослячий» [14, с. 2, 695]. В толковых словарях современного русского языка лексема не употребляется.

Неологизм XVII в. НЛ **отарищикъ** «пастух, табунщик» образовано с помощью суффикса **-щикъ** от основы существительного *отара* тюркского происхождения [16, с. 1, 668; 21, с. 3, 169], т. е. по словообразовательной модели: «основа существительного + суффикс **-щикъ**». И.И. Срезневский в «Материалах» лексему **отарищикъ** не отмечает. Термин впервые начинает использоваться в русском языке XVII в. Приведем примеры из памятников письменности изучаемого времени: *Послании к гѣдрю к Москве въ конной станице в отарищикахъ у гѣдрвых лошадей* (Астрах. а. № 1166, ест. 2, 1629 г.); *А лошад<ь> ево, кон<ь> мухортъ ... отданъ пасти ... отарицку Олешке Чистенскомъ* (Астрах. а. № 2310, ест. 19, 1651 г.) [19, с. 13, 180].

Параллельно с однословным НЛ **отарищикъ** в письменности XVII в. употребляется аналитическое наименование **отарные люди** в значении «люди, обслуживающие табуны лошадей» [19, с. 13, 181], например: *И февраля жъ де въ 16 де<нь> он Дмитрий зѣ животинными стадами и съ отарными людьми и съ ихъ*

отраными телъгами пришли на урочище на городище блиско Волги (Астр. а.; 1552, ССТ. 1, 1664 г.).

Термин **отарицкѣ** отмечен в Толковом словаре В.И. Даля с семантикой «пастух при отаре» [14, с. 2, 709]. В лексикографических источниках последующих периодов слово не фиксируется.

Пастухъ. Общеславянское НЛ **пастухъ** «тот, кто пасет скот» производное от основы праславянского глагола *паст* с помощью суффикса **-ухъ** [22, с. 291], впервые зафиксировано в письменности XI в.

В «Материалах» И.И. Срезневского выделяются два его значения: «пастух, сторож стада» и «наставник, руководитель, пастырь» [20, с. 2, 886]. Употребление НЛ **пастухъ** в прямом и производном значениях отражает уже памятники ранней древнерусской письменности: *И пастухи бѣяху въ тои же страѣ бѣдяще и стрѣюще стражу ношнюю* (Лук., II, 8. Остр. ев., 250, 1057); *црѣ пастоуха наречет людемъ* (Изб. 1073 г.) [20, с. 2, 886]. Там же, в «Материалах» И.И. Срезневского, зафиксирован деминутив **пастушкѣ** (уменьшительное от **пастухъ**), адъективный дериват с суффиксом **-ск-пастушкѣ**, например: *Мы бо акты дѣтца или пастушкѣ тѣмъ. Трѣтьцею свиримъ* (Златоуст. XII в.) [20, с. 2, 886].

С XV в. данная лексема расширяет свою семантику «используется в русском языке со значениями «пастух», «правитель, предводитель религиозной общины»; «вожак (стада)». Приведём некоторые контексты в качестве иллюстраций: а) *Нынѣ пасту(х)ъ и коровник трости рѣжающе пасту(ш)ские сдѣлаю(т)* (ГБ XIV, 82 а.-б); *Насонку, телѣ<ь>ю полѣтному пастуху дано ему 10 ал<тын> 10 де<нег>* (Кн. расх. Свир. м., № 6, 213, 1615–1631 гг.); *Потомъ и самъ за ними, яко пастушокъ, Христовы овечки въ овчарникъ погони* (Ав. кн. толк., 539, XVII–XIII вв. ~ 1667 г.) [19, с. 14, 167].

Гонщикъ. НЛ **гонщикъ** «погонщик» образовано с помощью суффикса **-щикъ** от основы глагола *гонить*..., т. е. по словообразовательной модели: «основа глагола + суффикс **-щикъ**».

Со значением «погонщик» впервые лексема **гонщикъ** начала употребляться в русском языке с XVII в., что отмечено в Словаре русского языка XI–XVII вв.: *Исачко Федоровъ Кривошукъ, животиной гонщикъ, старинной посадк<к>ой человекъ* (А. закл., 159, 1643 г.) [19, с. 4, 86].

Начиная с XVIII в. и до настоящего времени, термин **гонщикъ** сохраняет своё значение, в то же время его семантика несколько расширяется: «кто что гонит, особ. о гонке, сидке вина, дегтя». Это значение фиксирует В.И. Даль в Толковом словаре [14, с. 1, 375]. В Словаре русского языка лексема **гонщикъ** отмечена со значениями: «1. участник спортивных гонок; 2. погонщик скота; гуртовщик; 3. человек, занимающийся сплавом леса»: *Гонщики с длинными пеньковыми кнутами ехали верхом на лошадях, не давая скотине разбредаться»* [18, с. 1, 340].

Доилецъ. Для обозначения лица, занимающегося дойкой домашних животных, в русском языке XVII в. употреблялся термин **доилецъ**. Общеславянское образование **доилецъ** возникло с помощью суффикса **-ецъ** от основы глагола *доить* (общеслав. имеет соответствия в др. и.-е. языках) [22, с. 112].

Термин **доилецъ** впервые упоминается в памятниках русской письменности с XIV в. Так, в «Материалах» И.И. Срезневского данный термин отмечен в форме женского рода **доилица** со значением «кормилица»:

Призову ты жену доилицу (Исх. 1.7 посп. XIV в.). Также И.И. Срезневский в «Материалах» фиксирует форму **доитель**: *и бѣдѣтире доители твои и книшнѣ кормители твои* (Ис. XLIX. 23. (Упыр.)) [20, с. 1, 760].

Данная лексема **доилецъ** фиксируется и в Словаре русского языка XI–XVII вв. В качестве иллюстраций приведём пример: *Татарский царь держитъ 10000 кобылицъ, особно про его црской обиходъ молоко доять, а пастуховъ и доильцовъ тѣх кобыл 10000* (Козм., 342. 1670 г.) [19, с. 4, 288]. В Толковом словаре В.И. Даля употреблён термин **доильникъ**, а также **доильщикъ** со значением «удойщик, кто доит коров, ходит за удоём» [14, с. 1, 455].

В современном русском языке в силу экстралингвистических факторов агентивное значение закрепилось за некоррелятивным по роду производным существительным женского рода **доильница** – «работница, которая доит коров» [18, с. 1, 418], а также за родовыми коррелятами (коррелятивными по признаку пола) однокоренными НЛ фразеологической семантики **доярка** – **дояр**, ср. интерпретации их лексическое значение в МАС: **доярка** – «работница, которая доит коров и ухаживает за ними»; **дояр** – «работник, который доит коров и ухаживает за ними» [18, с. 1, 462], значение которых описывается дефиницией, связанной отношениями словообразовательной конверсии за однокоренными дериватами мужского рода **доильник**, **доильщик** – предметные значения с инвариантом «сосуд, ёмкость, предназначенный для дойки или хранения молока». В Словаре русских народных говоров фиксируется в трёх значениях: 1. м. р. подойник (Каляз. Твер., 1904 г.); 2. ж. р. глиняный подойник (Холмогор. Арх. 1896 г.); 3. небольшое ведро с крышкой для хранения молока и ношения его на продажу (Холмогор. Арх. 1907 г.) [17, с. 8, 95].

Гулебщикъ – «тот, кто занимается охотой, рыболовством или скотоводством в отъезде, кочуя». Например: *Которые де гдѣрвы астраханские русские люди и татаровня гулебщики гуляют по степи за зверемъ и на рыбных ловлях и у животных стад и огни де [калмыки] ихъ побивают и в полон емлют* (Астрах. а. № 2795, 1653 г.) [24]. Это же значение отмечено и в Словаре русского языка XI–XVII вв. [19, с. 4, 155]. Данное наименование является общеславянским [22, с. 99] и образовалось с помощью суффикса **-щикъ** от основы глагола *гулять*, т. е. по словообразовательной модели: «основа глагола + суффикс **-щикъ**».

Анализируемая лексема фиксируется В.И. Далем в Толковом словаре со значением «пастух при гулевом, нерабочем скоте; стадоэтоместами пасётся отдельно» [14, с. 1, 407]. В современном языке слово не употребляется.

Коноваль – «знахарь, лекарь: человек, смотрящий за лошадьми, занимающийся их лечением и холощением, коновал». Образовано способом сложения основы существительного *конь* (праславянского происхождения) и корня глагола *валить* (по корню праславянского происхождения) [21, с. 2, 311; 22, 188], т. е. по словообразовательной модели: «основа существительного + корень глагола».

В «Материалах» И.И. Срезневского данный термин отсутствует. Впервые упоминается в русской письменности XVII в., например: *И тебе бы выпустить ж кайдалъ Федосейка коновала и велить ему всех лошадей пересмотреть, и которая занемогла, и техъ велеть лечить* (Хоз. Мор., II, 75, 1652 г.) [19, с. 7, 412].

Лексикографическая литература XIX в. отражает семантическое развитие лексемы **коноваль**: в Толко-

вом словаре В.И. Даля фиксируется оценочное значение «простой, неучёный конский лекарь», здесь же представлены производные **коновальский** со значением «им вообще свойственный», **коновальный** – «к ним относящийся либо к коновальству принадлежащий»; **коновалить** – «заниматься и промыслять коновальством» [14, с. 2, 156]; в словарях современного русского языка значение НЛ **коновал** описывается дефиницией «знахарь, лечащий лошадей»: *К Чапаеву из деревни приехал знакомый мужичок, известный «коновал», промыслявший ветеринарным ремеслом* [18, с. 2, 90].

Отношения словообразовательной производности агентивных и предметных имен существительных на **-ник** не идентичны: предметные дериваты формально и семантически непосредственно связаны с отглагольными адъективами, образованными при помощи суффикса **-льник** и выражающими словообразовательное значение «предназначенный для исполнения действия, названного производящим глаголом» [10, с. 1, 50], и опосредованно – с их производящими глаголами; агентивные имена существительные формально и семантически связаны с производящим глаголом. Предметные субстантивы оформляет деривационный аффикс **-ик**, личные субстантивы – аффикс **-ник**.

По способу номинации НЛ, занимающихся животноводством, подразделяются на три несопоставимые в количественном отношении подгруппы: а) аффиксальные производные НЛ; б) композитные НЛ; в) аналитические НЛ.

Аффиксальные НЛ образуют самую большую подгруппу; композитные и аналитические номинации – примерно одинаковые малочисленные подгруппы (около 9 процентов каждая от общего количества НЛ в лексике животноводства).

Таким образом, динамические процессы неологизации рассмотренной группы личных наименований на протяжении исследуемого периода связаны с выделением доминантных НЛ из ряда синонимических номинаций в результате семантических и стилистических изменений в паре производящее – производное. Как показывает проведенный анализ, на протяжении исследуемого периода в составе тематической группы наименований лиц, занимающихся животноводством, произошли изменения, в частности обогащение анализируемой подгруппы НЛ преимущественно словообразовательными инновациями, получившими отражение в текстах памятников письменности XVI–XVII вв. Обогащение рассмотренной подгруппы НЛ инновациями указанного типа еще раз свидетельствует об активном развитии словарного состава русского языка исследуемого периода в целом и ономастической категории деятеля в частности.

Производные наименования составляют основную часть словаря в развитых языках мира, поэтому необходимо их изучать, так как разработка проблем семантики производных номинаций позволяет определить закономерности образования и тенденции развития значительной части словарного состава изучаемого языка.

Литература

1. Азарх Ю.С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка / Ю.С. Азарх. – М.: Наука, 1984. – 247 с.
2. Вахитов С.В. Производные наименования со значением лица в русском языке XI–XVII вв.: (мотивационный аспект) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / С.В. Вахитов. – Волгоград, 1994. – 19 с.
3. Гончаров В.И. Лексика промыслов в русском языке XVII в. (рыбная ловля, охота) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / В.И. Гончаров ; Киевский гос. пед. институт имени А.М. Горького. – К. : Изд-во КГПИ им. А.М. Горького, 1982. – 25 с.
4. Данькова Т.Н. Истоки сельскохозяйственной лексики / Т.Н. Данькова // Русская речь. – 2009. – № 5. – С. 85–88.
5. Железнова Р.В. Из истории существительных агентивно-профессиональной семантики в русском языке : автореф. дисс. ... докт. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Р.В. Железнова ; Санкт-Петербург. ун-т. – СПб., 1992. – 32 с.
6. Закупра Ж.А. Номинация лица по профессии в памятниках письменности русской народности XIV–XVI веков (строительное дело и ремесло) : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Ж.А. Закупра ; Киевский гос. пед. ин-т им. А.М. Горького. – К., 1990. – 24 с.
7. История лексики русского литературного языка конца XVI – начала XIX века / отв. ред. Ф.П. Филин. – М.: Наука, 1981. – 374 с.
8. Ковалик И.И. Смысловая структура производного слова / И.И. Ковалик // Актуальные проблемы лексикологии : сб. науч. трудов. – Минск, 1970. – С. 98–99.
9. Кровицька О.В. Семантична та словотвірна характеристика назв осіб у пам'ятках української мови XVI–XVIII століття : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / О.В. Кровицька ; НАН України, Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича. – Львів, 1995. – 22 с.
10. Русская грамматика : в 2 т. / АН СССР, Ин-т русского языка ; под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980. – Т. 1. – 1980. – 784 с.
11. Теркулов В.И. Слово и номинотема: опыт комплексного описания основной номинативной единицы языка / В.И. Теркулов. – Горловка : Изд-во ГГПИИЯ, 2007. – 240 с.
12. Хохлачева В.Н. Словообразование существительных со значением лица / В.Н. Хохлачева // Прокопович С.Н. Суффиксальное словообразование существительных в восточнославянских языках XV–XVII вв. / С.Н. Прокопович, В.Н. Хохлачева, Н.Т. Шелихова. – М.: Наука, 1974. – С. 11–58.
13. Шкатова Л.А. Развитие ономастических структур (на примере наименований лиц по профессии в русском языке) : [монография] / Л.А. Шкатова. – Иркутск : Изд-во Иркутского ун-та, 1984. – 150 с.
14. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В.И. Даль ; под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ. – Репринтное воспроизведение издания 1903–1909 гг. – М., 2000. – Т. 1–4.
15. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 50 000 слов / С.И. Ожегов ; гл. ред. С.П. Обнорский. – М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1949. – 968 с.
16. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка : в 2 т. / А.Г. Преображенский. – М.: Типография Г. Лиссиера и Д. Совко, 1910–1914.

17. Словарь русских народных говоров / АН СССР, Ин-т русского языка ; под ред.: Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова, И.А. Попова. – М. ; Л. : Наука, 1965–2004.
18. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : АН СССР, 1981–1984. – Т. 1–4.
19. Словарь русского языка XI–XVII вв.: указатель источников в порядке алфавита сокращенных обозначений / АН СССР, Ин-т русского языка ; сост. С.Ф. Геккер. – М. : Наука, 1975.
20. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам / И.И. Срезневский. – М. : Императорская Академия наук, 1893–1912. – Т. 1–3.
21. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1987. – Т. 1–4.
22. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка: более 5 000 слов / Г.П. Цыганенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – К. : Рад. школа, 1989. – 511 с.
Источники иллюстративного материала
23. А. закл., 159, 1643 г. – Сильванский Н.П. Акты о посадских людях-закладчиках / Н.П. Сильванский. – СПб. : Тип. М.А. Александрова, 1909. – 276 с.
24. Астрах. а. № 2795. 1653 г. – Акты Астраханской воеводской избы XVII в. // ЛОИИ. Ф. 178.
25. Ин. Сказ., 127, XVII в. – Так называемое Иное Сказание // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. – 3-е изд. – Л., 1925. – Стлб. 1–144. // Русская историческая библиотека. – Т. 13. – Вып. 1.
26. Пск. Суд. гр. 3, XVI ~ XV вв. – Псковская судная грамота. – СПб. : Император. Археогр. Комис., 1914. – VIII, 28 с.
27. Хроногр. 1512 г., 226 – Русский хронограф: хронограф редакции 1512 г. // Полное собрание русских летописей, изданное по Высочайшему повелению Императорскою Археографическою Комиссиею. – СПб., 1911. – Т. 22. – Ч. 1. – 1911.
28. Яросл. п. кн., 335, XVII в. – Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. // Тр. Яросл. учен. архивн. комис. – Ярославль, 1913. – Кн. 6. – Вып. 3 и 4.